

Используемая литература

1. Ахматова, А.А. Сочинения: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1987. – 972 с.
2. Булгакова, О. Голос как культурный феномен. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 567 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://klex.ru/pwt>. – Заглавие с экрана.
3. Голос и ритуал: сб. научных трудов. – М.: Институт искусствоведения, 1995. – 188 с.
4. Костецкий, В.В. Голос и немота в философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2003. – Сер. 6, вып. 2 (№ 14). – С. 20-27.
5. Левкиевская, Е.Е. Голос в славянской мифологии / Е.Е. Левкиевская. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/2-9-3-slavyanskaya-mifologiya/84.htm>. – Заглавие с экрана.
6. Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М.: Индрик, 1999. – 331 с.
7. Невская, Л.Г. Молчание как атрибут смерти. // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М.: Индрик, 1999. – С. 123-134.
8. Плужников, М.С. Среди запахов и звуков. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 270 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://anfiz.ru/books/item/f00/s00/z0000024/index.shtml>. – Заглавие с экрана.

А. Я. Фомина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.филол.н., профессор Г.П. Козубовская

ПОВЕСТЬ И.С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» КАК «ДАЧНЫЙ ТЕКСТ»

Аннотация

В статье рассматривается специфика сюжета «дачной повести» Тургенева с позиций мифопоэтики. Сопряжение двух сюжетов – сюжета-воспоминания, лежащего на поверхности, и скрытого сюжета чужой любви – исследуется в рифмующихся эпизодах, архетипах, символике деталей.

Ключевые слова: *архетип*, дачная повесть, дачный текст, мифопоэтика, мотив, эпизод

Термин «дачный текст» введен в научный оборот В.Г. Щукиным по аналогии с «петербургским текстом» В.Н. Топорова. В.Г. Щукин, исследуя феномен усадебного текста, показал, что в историко-культурной перспективе

дача взяла на себя функции усадьбы, а «дачный текст» вырос на базе «усадебного» [8, с. 324]. Знаменателен выход монографии О. Богдановой, посвященной усадьбе и даче [3].

В.А. Доманский, отмечая особую роль усадьбы в русской культуре, подчёркивает, что усадьба ассоциировалась с Аркадией – райским уголком и с Елисейскими полями [4, с. 56]. Аналогично и дача. Но в отличие от усадьбы, с которой было связано «бытийственное», дача несет в себе семантику временного, непостоянного. Как заметила Н.Е. Старыгина, ««дача очень сильно нагружена культурными традициями, в ней ... заложен культурный код» [5, с. 107].

Повесть «Первая любовь» в плане анализа «дачного текста» привлекла Н.Н. Старыгину [5]. Отличие нашего подхода – в исследовании механизмов сопряжения сюжетов в «дачном тексте».

Сюжет повести организован достаточно сложно: на первом плане традиционный для Тургенева рассказ от первого лица в форме воспоминания о первой любви Владимира Петровича, за этим – скрытый сюжет о «другой» любви, свидетелем которой оказался герой повести.

Второй сюжет постепенно прорисовывается в первом за счет рифмующихся эпизодов, деталей.

История первой любви героя пронизана мотивами сладости и боли.

Оксюморон *сладкая боль* – ощущения, испытанные много лет назад Владимиром Петровичем, наиболее точно характеризует первую любовь героя: «Крапива обожгла мне руки, спина ныла, и голова кружилась; но чувство блаженства, которое я испытал тогда, уже не повторилось в моей жизни. Оно стояло *сладкой болью* во всех моих членах...» [7, с. 276].

«Волосы» – портретная деталь, стягивающая два сюжета. В описании портрета – традиции русской поэзии начала XIX века: выделены несколько деталей, остальное должен дорисовать, довоплотить читатель [2].

Рифмуясь, волосы Зинаиды и волосы Владимира, задают мотив счастья/горечи, скрепляя оба сюжета болью: «Я подошел к ней: она положила мне руку на голову и, внезапно ухватив меня за волосы, начала крутить их. – *Больно...* – проговорил я наконец. – *А! больно! а мне не больно? не больно?* – повторила она» [7, с. 274-275]. Причинив физическую боль юноше, она раскаивается в этом. Владимиру поведение девушки кажется странным, необъяснимым.

В свою очередь «волосы» соотносятся еще с одной деталью, обретающей мифопоэтический смысл. Речь идет о пряже, раскручивать которую Зинаида заставила Владимира уже в первую встречу. Это связка красной шерсти. Красный цвет более нигде в ее нарядах не фигурирует.

Сама шерстяная нить отсылает к античным богиням судьбы – мойрам, паркам. Играющая с юношей Зинаида заставляет его краснеть, загоняя в угол, ставит его в ситуацию на грани жизни/смерти.

Кстати, узел неоднократно еще появится в этой истории. Так, в сцене примирения «*у меня на шее, вместо галстучка, была повязана лента Зинаиды*»

[7, с. 292]. Лента – подобие ошейника. В последней встрече с Владимиром, уже после дачной истории, доктор говорит о возмужании Володи, о том, что он перестал походить на комнатную собачку и на пажа.

В двоящемся сюжете есть эпизоды, намеки в которых создают подтекст и обретают символическое звучание в историко-культурных аналогиях. Так, задав вопрос, на что похожи пурпуровые облака, которые она наблюдала из окна, Зинаида, не дожидаясь ответа, выдает свою ассоциацию, не ясную окружающим: «Я нахожу, что они похожи на те пурпуровые паруса, которые были на золотом корабле у Клеопатры, когда она ехала навстречу Антонию. Помните, Майданов, вы недавно мне об этом рассказывали?» [7, с. 274]. Единственный правильный ответ на неожиданный вопрос Зинаиды о возрасте Антония, – ответ доктора – ключ к истории Зинаиды: «Извините, – воскликнул Лушин, – ему было за сорок лет. – За сорок лет, – повторила Зинаида, взглянув на него быстрым взглядом» [7, с. 274].

Мотив боли нарастает в сюжете. Причиняя боль другим, Зинаида как психолог объясняет мотивы стойкого поведения человека, молчащего о своей боли. Так, она испытывает Лушина: «Она его уважала, но не спускала ему – и подчас с особенным, злорадным удовольствием давала ему чувствовать, что и он у ней в руках. «Я кокетка, я без сердца, я актерская натура, – сказала она ему однажды в моем присутствии» [7, с. 266], предлагая воткнуть булавку в его руку: «... а, хорошо! так подайте ж вашу руку, я воткну в нее булавку, вам будет стыдно этого молодого человека, вам будет больно, а все-таки вы, господин правдивый человек, извольте смеяться» [7, с. 266]. Поведение Лушина точно ею угадано: «Лушин покраснел, отворотился, закусил губы, но кончил тем, что подставил руку. Она его уколола, и он точно начал смеяться... и она смеялась, запуская довольно глубоко булавку и заглядывая ему в глаза, которыми он напрасно бегал по сторонам...» [7, с. 266].

«Конные» эпизоды обрамляют историю первой любви, отражая изменения, происходившие с героями на протяжении дачного романа.

В начале дачного сезона, молодой, полный сил и энергии, не знавший любви, Владимир ездит на своей верховой лошадке, только еще предчувствуя любовь: «... как весело дул мне в уши ветер! ... Помнится, в то время образ женщины, призрак женской любви почти никогда не возникал определенными очертаниями в моем уме; но во всем, что я думал, во всем, что я ощущал, таилось полусознанное, стыдливое предчувствие чего-то нового, несказанно сладкого, женского...» [7, с. 245].

Затем со смутным беспокойством Владимир наблюдает за тем, как отец и Зинаида гуляют верхом: «Они ехали рядом. Отец говорил ей что-то, перегнувшись к ней всем станом и опершись рукою на шею лошади; он улыбался. Зинаида слушала его молча, строго опустив глаза и сжавши губы» [7, с. 279]. Юношу поражает бледность лица девушки, сидящей рядом на лошади, которую ей предоставил Беловзоров. Бледность лица Зинаиды говорит о внутреннем напряжении девушки, ведь тот человек, с которым она сейчас,

несвободен, поэтому не может сделать её счастливой, какой бы безмятежной ни казалась прогулка сейчас.

Наконец, Владимир случайно становится свидетелем эпизода с хлыстом. Необычна сама поза Петра Васильевича, когда он изображён не верхом на лошади, а пешим, стоящим, опираясь грудью на оконницу. Необычна и речь, в которой он настаивает на чём-то.

Владимир видит лицо Петра Васильевича: «Он задумался и опустил голову... И тут-то я в первый и едва ли не в последний раз увидел, сколько нежности и сожаления могли выразить его строгие черты» [7, с. 276].

Трудно сказать, насколько сознательно обращение Тургеневу к роду Засекиных и наделение семейства соседей по даче этой фамилией. Отец Владимира упоминает какого-то Засекина, «пустого и вздорного человека». Фамилия Засекиных отзовется в эпизоде с хлыстом в финале истории, свидетелем которого стал Владимир: Зинаида целует свою руку, на которую нанес удар кнутом отец Владимира. Эпизод идет под знаком «сечи» и вызывает слезы Владимира, твердящего: «... ее бьют...» [7, с. 299].

«Объезженная кобылка» – название эпизода, ранящего сердце Владимира, именно сейчас вспоминаются слова, произнесенные Зинаидой по поводу, кто может стать ее героем.

Сад – богатый семантической значимостью образ. Сад изначально мифологичен, поскольку включен в мифопоэтическую картину мира. Культурная семантика сада включает античные смыслы (сад любви – сад Афродиты и Эроса), христианские (сад как средоточие духовных и моральных ценностей, символ добродетели). В мифологеме сада мерцает множество смыслов. Это и утраченный рай прошлого, и воплощение земного Эдема, и место грехопадения и изгнания из рая. Обязательные ворота в ограде – универсальный символ, разграничивающий этот и иной миры.

Сад как место встречи с Зинаидой – в параллелизме историй отца и сына.

«Длинная ветка малины» над головой Зинаиды – лейтмотив: в первую встречу Владимир видит девушку между кустами зеленой малины, позже – плачущую Зинаиду тоже под ветками малины. Упоминание малины создает мифопоэтический подтекст: малина, согласно мифу, появилась из капелек крови нимфы Иды, поранившей себе грудь веткой малины (Ида вскармливала младенца Зевса грудным молоком) [6, с. 67]. Мифопоэтический подтекст вносит семантику страдания.

Н.Н. Старыгина обратила внимание на то, что образ бузины предстаёт при описании наиболее важных событий, переживаемых юным Володей [5], но не расшифровывает символику растения. В фольклорно-мифологическом сознании бузина амбивалентна: с одной стороны, это благодетельное растение, часто выступающее в роли *апотропея* (ею оберегали людей и скотину от нечистой силы, моровых болезней, покойников и др.). С другой стороны, она воспринимается как *кустарник* демонический, связанный с хтоническим началом, нечистыми духами и т.п.; «бузина воспринималась как своего рода «зона контакта» с демонами и духами. Бузина становится символом запустения,

заброшенности» [1]. Именно под кустом бузины Володя раскрывает тайну чужой любви.

Используемая литература

1. Агапкина, Т.Л. Символика деревьев в традиционной культуре славян: бузина. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-dereviev-v-traditsionnoy-kulture-slavyan-buzina-rod-sambucus-l>. – Заглавие с экрана.
2. Башкеева, В.В. Русский словесный портрет: Лирика и проза конца XVIII – первой трети XIX века: автореф. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 29 с.
3. Богданова, О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX-XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – 288 с. – (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
4. Доманский, В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты поэтики // Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 291 (июнь): Серия «Филология». – С. 56-60.
5. Старыгина, Н.Н. «Дачный текст» в повести «Первая любовь» И.С. Тургенева // Вестник Марийского государственного университета. – 2015. – № 4. – С.107-111. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dachnyy-tekst-v-povesti-pervaya-lyubov-i-s-turgeneva>. – Заглавие с экрана.
6. Флора и Фауна: Мифы о растениях и животных. Краткий словарь. – М.: Русь, 1998. – 256 с.
7. Тургенев, И.С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1978. – 368 с.
8. Щукин, В.Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. – М.: РОССПЭН, 2007. – 610 с.

О. А. Чикалов

Россия, г. Барнаул

Алтайский государственный педагогический университет

Научный руководитель д. ф. н., доцент Е. А. Худенко

«ЦВЕТОВЫЕ РЕШЕНИЯ» В ПОЭТИКЕ А. БЛОКА И И. СЕВЕРЯНИНА: СЕМАНТИКА ФИОЛЕТОВОГО И ЕГО ОТТЕНКОВ

Аннотация

В данной работе рассмотрена семантика цвета в произведениях А. Блока «Ночная Фиалка» и «Безвременье», а также в работах И. Северянина «Мороженое из сирени» и «Банальность». Семантика цвета рассмотрена как особенность создания идеостила.